

УДК 930.1: 94(47).07 "18"

О. Н. Шевцова

**ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (В. Д. СУХОРУКОВ, А. М. ТУРЕНКО)**

Труды русских историков первой половины XIX в. имели ряд признаков сходства с произведениями художественной литературы. В частности, один из таких признаков состоял в наличии у них сюжета, напоминающего сюжет литературного произведения. Такие сюжеты наблюдаются в трудах по истории казачьих войск: войска Донского В. Д. Сухорукова и Черноморского войска А. М. Туренко. Для сюжетов в этих трудах характерны такие необходимые структурные элементы, как завязка,

кульминация и развязка. В труде Сухорукова по истории Дона четко прослеживается внутренний конфликт, который не просматривается в труде Туренко по черноморской истории. Литературные сюжеты в этих исторических трудах отличаются остротой, что делает их интересными для читателя.

Ключевые слова: историческая наука, литературное произведение, сюжет, кульминация, развязка, конфликт, прагматизм, история казачества.

O. N. Shevtsova

**IMAGES AND PLOTS OF HISTORY OF THE COSSACKS IN WORKS OF HISTORIANS
OF THE FIRST HALF OF XIX c. (V. D. SUKHORUKOV, A. M. TURENKO)**

Works of the Russian historians of the first half of the XIX century had a number of signs of similarity to works of fiction. In particular, one of such signs was that the plot reminded a literary work plot. Such plots could be found in works on stories of the Cossack troops, the Don V. D. Sukhorukov's army and Black Sea army of A. M. Turenko. The plots in these works reveal such relevant subject lines as the start, the climax

and the denouement. In Sukhorukov's work on stories of Don the internal conflict which is not typical of Turenko's work on the Black Sea history can be accurately traced. In these historical works literary plots are characterized by witticism which makes them interesting for the reader.

Key words: historical science, literary work, plot, climax, denouement, conflict, pragmatism, Cossacks history.

Одной из особенностей становления и развития отечественной исторической науки в первой половине XIX в. явилось значительное внимание к региональной истории и вклад в ее изучение историков, вышедших из местной среды и имевших самую тесную и непосредственную культурную связь с населением своего края. К таким историкам этого времени относились и казацкие офицеры, в частности донской сотник В. Д. Сухоруков и черноморский полковник А. М. Туренко. Ими были созданы труды, посвященные истории своих казачьих войск – войска Донского и Черноморского казачьего войска.

Сходство проблематики не исключало существенных различий между двумя историями. В значительной мере определялось это различиями между авторами. Как выпускник

историко-филологического отделения Харьковского университета, Сухоруков был ближе к исторической науке своего времени. Это сказалось на самом построении его труда, который напоминал внутреннюю структуру «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, поскольку в обоих исторических трудах совместно с авторским текстом имелись обширные выписки из источников, которые поясняли текст. Таким образом, было достигнуто соединение двух репрезентаций истории – художественной в текстах авторов и исторической в источниках. Как и для труда Карамзина, для работы донского историка была характерна художественная выразительность, которая, однако, не шла в ущерб исторической достоверности, так как создававшиеся историками образы и сюжеты

прошлого были основаны на данных источников. Что касается труда полковника Туренко, то в нем автор документальной точности отдал явное предпочтение перед художественной выразительностью. Это исследование, в котором также очень широко используются и цитируются документальные источники, в большей мере соответствует представлению о научном историческом труде своего времени, на содержании которого проявлялось воздействие прагматизма. В работе черноморского историка, созданной в конце тридцатых годов, прагматизм связан с влиянием на него Кавказской войны, в которой это казачье войско, в том числе полковник Туренко, принимало самое активное участие. Его труд – образец той самой истории, при изучении которой, по словам Гегеля, «духу открывается такое настоящее, которое, являясь собственной деятельностью духа, вознаграждает его за усилия» [2, с. 61].

В самом деле, связь прошлого Черноморья и ее настоящего в труде Туренко не удивительна. Черноморцы в период работы полковника над историей продолжали утверждать на Кубани в ходе войны с адыгами, которая была частью Кавказской войны, и это делало эту историю прагматической и современной.

Один из характерных признаков близости между историографией первой половины XIX в. и художественной литературой состоит в наличии в трудах историков образов и сюжетов прошлого. На существование сюжета донской истории в книге В. Д. Сухорукова совершенно определенно указывал современный историк А. И. Агафонов [1, с. 11]. Формированию сюжета способствовали и широкие хронологические рамки. Началом изложения истории Земли войска Донского Сухоруков отнес к середине XVI в., когда в источниках появились первые сведения о донских казаках. В ряду бурных событий донской истории последним из тех, которое отмечалось Сухоруковым, было Булавинское восстание, его разгром и полное подчинение казачества российскому самодержавию. За это время в жизни донского казачества, которое было объектом изучения Сухорукова, происходили значительные сдвиги. Оно проявило себя как в борьбе с Османской империей и другими противниками, так и в защите своих исторически сложившихся вольностей от наступавшей на них царской власти.

Более узкие хронологические рамки труда по истории Черноморского войска

А. М. Туренко, казалось бы, не давали такого простора для формирования и развития в нем сюжета. В самом деле, начало его истории относилось к переселению запорожцев на Кубань в 1792–1794 гг., а завершение – к началу тридцатых годов XIX в., когда черноморские казаки держали укрепленную линию по Кубани. Кроме того, в истории Черноморья того времени в значительно меньшей степени проявлялись внутренние противоречия, и не играли такой роли внутренние конфликты и массовые движения, как в донской истории. Вместе с тем это была история нового времени, что в свою очередь давало возможность историку обратить внимание на такую составную часть исторического сюжета, как развитие в крае культуры и просвещения.

Как и в литературном сюжете, в сюжете исторического труда должны быть необходимые составные части. К ним относятся завязка, кульминация и развязка. Из всех этих составных частей сложнее всего в некоторых исторических сочинениях выявить развязку. Просматривается она не всегда. Если труд историка посвящен уже законченному объекту исторического познания, то развязка может совпадать с завершением его существования. К таким объектам могут быть отнесены «История Пугачева» А. С. Пушкина, «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова и другие исследования того времени, которые ко времени изучения их историками уже были завершены. Но если объект исследования продолжал свое существование, то места для развязки как будто бы нет. К объектам такого рода относились казачий Дон и Черноморское казачье войско в составе Российской империи. Тем не менее, развязка в трудах В. Д. Сухорукова и А. М. Туренко просматривается. Это свидетельствует о том, что оба автора видели определенную логику в истории развития своих объектов изучения, и это означало, что сама такая логика предполагает представление о конкретном итоге истории этих объектов, к которому они пришли за определенную эпоху и с которого начинается последующая их история. Для нее, однако, необходимо было уже новое исследование.

Что же касается завязки, то в обоих трудах она прослеживается очень четко, причем имеет принципиальное сходство. К ней относится зарождение изучаемого исторического явления, которым выступало казачество. В труде Сухорукова это было донское казачество, в труде Туренко – ка-

зачество черноморское. Обращает на себя внимание начальная часть завязки в обоих трудах. У Сухорукова она представлена под заголовками «Описание страны, именуемой в летописях «Подем»» и «Жалобы двора нашего царю крымскому и турецкому султану за разбои, производимые на Поле». Совершенно очевидно, что видеть в этих разделах общее изложение истории Дона до появления казачества невозможно. Материал в них подчинен только лишь задаче выявления состояния Дона до того, как казачество составило значительную и наиболее существенную часть его населения. Общее впечатление, которое создавалось в них и воспринималось читателем на Дону и в России, состояло в том, что Поле было местом опасным, на нем постоянно совершались разбои и нападения на купцов, или же через Поле лежал путь разбойников из числа татар, проводивших нападения на южную русскую окраину. «Эта пустыня сделалась приютом разбойников: постоянные торговые дороги, здесь пролежавшие, и известные перевозы на реках манили сюда отважных храбрецов искать добыч и опасностей» [3, с. 27], – писал Сухоруков о Поле.

Несколько отличается начало завязки в сочинении А. М. Туренко. Началом завязки стала не история Кубани до поселения на ее территории запорожских казаков, но краткая история Запорожской Сечи до поселения ее на Кубани. Историк при этом совершенно четко выразил наиболее характерную черту сообщества запорожских казаков. «Никому не подвластные, они вели жизнь дикую, воинственную, свободно избирая атаманов» [4, с. 5], – писал он. После такого начала оба историка повествовали о возникновении казачества на Дону и на Кубани. Появление казачества на Дону в середине XVI в., отмечал В. Д. Сухоруков, привело к значительному изменению ситуации и соотношения сил в Поле, и уже казачество как «воинственное сообщество ... производило набеги на крымцев, азовцев и татар нагайских» [3, с. 45]. На Кубани появление запорожцев также вызвало изменение соотношения сил в пользу России. При этом Туренко полностью приводил текст исторического указа Екатерины II 1792 г. [4, с. 12–13], по которому запорожцы получали право поселения на Кубани, и из них образовывалось Черноморское казачье войско, а также представил краткий очерк прибытия казаков на Тамань и расселения их по всей

выделенной им территории. В целом, таким образом, завязки одного и другого труда по истории двух казачьих войск имели принципиальное сходство.

Заметно различались кульминации сюжетов этих исторических произведений. Так, в «описании» Сухорукова заметны две кульминации повествования. Они в полной мере соответствуют внутренней логике произведения. Если учитывать, что оно доведено до 1709 г., когда в истории войска Донского произошло такое важное событие, как подавление восстания под предводительством Кондратия Булавина, то, следовательно, Сухоруков доводил свою историю до того периода, когда Дон полностью потерял свою самостоятельность и был окончательно подчинен центральной российской властью, сделался внутренней территорией государства. Представляя историю войска Донского как непрерывную борьбу с Османской империей и Крымом как с внешними врагами, а также со стремлением московских властей установить свою власть на Дону, он выделил в ней два наиболее значимых события, что соответствует двум кульминациям в композиции исторического труда.

Первая кульминация относится к описанию событий 1637–1642 гг., когда войско Донское взяло и удерживало Азов, что означало самый большой его успех в борьбе с турками. Это взятие было не только выдающимся успехом донских казаков, но и, по словам Сухорукова, «имело спасительные последствия для России: в продолжение пяти лет ни крымцы, ни нагайцы не смели даже показаться к нашим украинам, исчезла прежняя дерзость их и грабежи перестали» [3, с. 202]. Он подчеркивал, что «обладание казаками Азова ... истребило две трети их населения, но покрыло вечную славою» [3, с. 211]. И если может возникнуть вопрос к точности приводимых донским историком данных, то утверждение его о славе, завоеванной казаками в борьбе за Азов, не подлежит сомнению.

Вторая кульминация связана с событиями, когда донские казаки выступали против разных сторон правительственной политики на Дону, да и вообще пытались отстаивать самостоятельность Дона по отношению к России. Это было несколько событий, к которым относится участие казаков в восстании под предводительством Степана Разина, в массовом движении старообрядцев на Дону в

1687–1688 гг. и в Булавинском восстании. При этом, как указывал Сухоруков, расправа с казаками при подавлении Булавинского восстания была очень жестокой: «более 7000 казаков было казнено и побито, уничтожены городки, поселенные по Донцу по Луганской, по Айдару, Деркулу, Калитвам и по другим речкам, ... по Медведице по Усть Медведицкой, по Хопру и Бузудуку все» [3, с. 409].

Таким образом, донская история в представлении Сухорукова развивалась бурно. Казаки завоевали боевую славу, но общий итог ее к завершению первого десятилетия XVIII в. был трагичен для них и катастрофичен для их самостоятельности и вольности. Из значимого субъекта международных отношений, который должна была брать в расчет такая мировая держава, как Османская империя, из вольной самостоятельной республики Дон превратился в объект политики российского самодержавия. В историческом отношении этот вывод, опиравшийся на большой источниковый материал, проанализированный Сухоруковым, был весьма убедителен. Но столь же убедительным было раскрытие истории Дона в жанре литературной трагедии, когда казачья община, в жестоком и героическом противостоянии с сильнейшим внешним противником утвердившая на Дону начало вольной жизни, была, в конечном счете, подчинена царской властью, а ее вольность осталась в прошлом. Наличие таких двух кульминаций обеспечивало значительный интерес к книге Сухорукова, который стал проявляться после публикаций ее в 1873 и в 1903 гг., а также после того, как она стала достоянием широкой отечественной читательской аудитории после ее публикации в 1988–1990 гг. в журнале «Дон», а затем в формате отдельных изданий. Вместе с тем такая трагичность сюжета свидетельствовала о наличии в нем внутреннего конфликта, благодаря чему произведение завоевывает читательский интерес.

По сравнению с сюжетом истории Дона, сюжет истории Черномории не был столь сложен и противоречив. Так, в ней было только одно массовое казачье движение, которое происходило в 1797 г. после персидского похода Черноморского войска, и которому Туренко уделил определенное внимание. Не прослеживается в нем, следовательно, и внутреннего конфликта, который лишь намечался при освещении казачьего движения, когда казаки «вспомнили буйное, дикое Запорожье

и вздумали не просить, но требовать удовлетворения в обидах» [4, с. 43], но не более того. Но кульминацией сюжета его исторического повествования было освещение процессов в развитии хозяйства и культуры края. Эти процессы при войсковом атамане Матвееве выступали как общий итог всего предшествовавшего развития за почти три десятка лет, в течение которых казачество утвердилось на Кубани и укрепило свои позиции. В частности, в это время были изданы «весьма полезные правила для всех отраслей управления», а также просвещенный атаман «обратил особенное внимание на просвещение юношества в Черномории» [4, с. 113]. Туренко особо подчеркивал роль в развитии народного образования войсковых властей, частной инициативы и самих казаков. Так, «из войсковых доходов» на содержание «приходских училищ таманского, шербиновского, брюховешского и гривенского» направлялось ежегодно по 150 рублей. Скоро «общества жителей Медведовки, Кушевки, Леушковки и некоторых других куреней устроили приходские училища, жертвуя добровольно для помещения оных дома и все нужное для удобного содержания учителей», – писал Туренко. Кроме того, при этом атамане «щедротами монарха и добровольными приношениями благотворителей просвещения, главное екатеринодарское училище ... получило возможность расширять свои полезные действия к благу всех прочих юных отраслей просвещения в Черномории» [4, с. 114].

Вместе с тем постоянное внутреннее напряжение в историческом повествовании Туренко, которое присутствовало на всем его протяжении, сохранилось и в кульминации, к которой относился период пребывания Матвеева на посту войскового атамана. При всех успехах этого атамана в обороне линии по Кубани и в развитии просвещения в крае войсковые власти, казаки и все его население столкнулось в 1821 г. с очень серьезными вызовами. В тот год произошло нашествие саранчи, которая «истребила весь хлеб», в результате чего «голод открылся». Одновременно «на усиление войска» прибыли переселенцы «из полтавской и черниговской губерний». В таких условиях атаман Матвеев обратился «к последнему источнику, к подаянию благотворителей». Несмотря на всеобщее бедствие, «человеколюбивые черноморцы вняли призыву попечительного начальника и от последних избытков подавали пособие неимущим»

[4, с. 125], – отмечал историк. Таким образом, кульминация повествования об историческом развитии Черноморья включала в себя указание не только на комплекс мер по хозяйственному и культурному развитию края, но и на морально-нравственный устои самого ее народа, который при всех своих нуждах в тяжелый год готов был идти на помощь и нести пожертвования на благотворительность.

Еще одно отличие истории Черноморья Туренко от «описания» Сухоруковым истории Дона заключается в отсутствии налета исторической трагедии. Конечно же, черноморский полковник подробно описывал трагические стороны войны казаков за Кубанью, которые особенно проявлялись с 1823 г., когда общее руководство ими осуществлял донской генерал Власов. Полковник Туренко сам был свидетелем и участником событий, когда по распоряжению Власова черноморцы вырубали леса на левом берегу Кубани, выжигали адыгские аулы, и вообще, активно проводил «военные действия, страшные для разбойников, славные для нас» [4, с. 130].

Вообще замечание его о военных действиях казаков за Кубанью как о наказании за разбой было не случайно. Войну Черноморского войска против адыгов как часть Кавказской войны Туренко подавал как борьбу с разбойниками в защиту мирного утверждения казаков на Кубани. Созданию впечатления о подобном характере войны достигалось полковником с помощью ярких, экспрессивных лексем и оборотов. Так, «мужественные казаки» под предводительством генерала Власова «без всякой пошады мстили хищникам за разбой», казакам же вообще противостояли «злодеи», а Власов выступал как «грозный мститель» [4, с. 124], который громил «злодейские скопища шапсугов и абадзехов» [4, с. 135]. Впрочем, человеколюбие черноморцев, как подчеркивал Туренко, распространялось и на закубанских соседей. Когда они «от голода» «бежали ... толпами на жительство в Черноморию, в особенности женщины с детьми,

и попечительное войсковое правительство с отеческим усердием принимало их» [4, с. 128]. Описание военных действий черноморцев против закубанских адыгов поддерживало постоянное внутреннее напряжение в труде Туренко.

Ярко выражен в труде Туренко также монархический налет. Так, когда после смерти Матвеева Николай I назначил атаманом всех казачьих войск наследника престола цесаревича Александра Николаевича, черноморцы «спешили в храмы принести теплые мольбы Всевышнему о здравии всего августейшего императорского дома» [4, с. 142]. Данное замечание невелико, но оно играет значительную роль в формировании сюжета этого исторического труда. Внутренний его смысл состоит в том, что создание Черноморского казачьего войска, участие его в военных действиях на Кавказе и в других войнах России означало его верную службу империи и монархии и суть его исторического существования. Эта мысль подтверждается всем содержанием истории Черноморского казачьего войска, созданной Туренко, и является стержнем ее сюжета.

Как и всякое литературное произведение, исторический труд того времени нес в своем сюжете не только развязку, но и давал понятие об итогах развития явления, о котором шло повествование, и о его перспективах. В трудах В. Д. Сухорукова по истории Дона и А. М. Туренко по истории Черноморья эти стороны также имеются. Итогом исторического развития обоих казачьих войска было утверждение их положения в своем крае и в системе внутреннего управления Российской империи с перспективами дальнейшего упрочения этого положения в составе монархического государства. Наличие острых сюжетов и соответствующих им образов в двух этих трудах по местной российской истории ставило их в один ряд с произведениями русской художественной литературы своего времени.

Литература

1. Агафонов А. И. История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). Ростов-на-Дону: Приазовский край, 2001. 384 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с.
3. Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли войска Донского. Ростов-на-Дону: ГинГо, 2001. 514 с.
4. Туренко А. М. Исторические записки о Войске Черноморском. Киев, 1887. 146 с.